

Aftoktonía как стратегия избавления от страдания: онтологическое измерение

Ксения Васильева – магистр, Центр практической философии «Статис», ЕУСПб; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kvasiliyeva@eu.spb.ru

Ключевые слова: автоктония, страдание, субъект, новый материализм, Платон, Иов, апостол Павел, Инкриз Мазер, Шопенгауэр, Эдуард Гартман

Может ли автоктония (aftoktonia) быть стратегией выхода из ситуации страдания? Под автоктонией понимается добровольное действие субъекта, направленное на собственное ничтожение. В рамках статьи предлагается серия историко-философских сюжетов, на материале которых демонстрируется возможность или невозможность реализации в рамках конкретной онтологии автоктонии как способа выхода из ситуации страдания. При онтологическом плюрализме данная стратегия оказывается релевантной в силу того, что смерть субъекта приводит последнего к небытию или в иной, благой, онтологический порядок, в котором отсутствует страдание (Платон, Иов, Павел). В противовес этому появляется христианская концепция Инкриза Мазера, согласно которой автоктония способна привести к еще большему страданию, поскольку представляет собой путь в четвертое измерение «ада». Также автоктония не актуальна в философии Эдуарда Гартмана, поскольку индивидуальная или коллективная автоктония не способна уничтожить субстанцию вселенной – бессознательное. У Шопенгауэра автоктония реализует избавление от страдания лишь при одном условии: освобожденный от желаний аскет умирает голодной смертью и тем самым отрицает волю к жизни. В онтологиях нового материализма страдающей субстанцией становится материальное тело субъекта. Тело не меняет измерение-обиталище после смерти, – в отличие от онтологий, включающих душу как особый тип сущего, – атрибуты живого тела сохраняются у мертвого, поскольку оно продолжает быть активным. Поэтому после смерти тело субъекта способно страдать, что делает автоктонию в онтологиях нового материализма нерелевантной стратегией. Все это позволяет указать на то, что автоктония как стратегия избавления от страдания релевантна в узком спектре онтологических концепций.

Есть только одна по-настоящему серьезная философская проблема – самоубийство. Решение о том, стоит ли жить или нет, равносильно ответу на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – независимо от того, имеет ли мир три измерения, имеет ли ум девять или двенадцать категорий – приходит потом. Это игры; нужно сначала ответить. И если верно, как утверждает Ницше, что философ, чтобы заслужить наше уважение, должен проповедовать своим примером, вы можете оценить важность этого ответа, поскольку он будет предшествовать решающему действию.

А. Камю «Миф о Сизифе»¹

Может ли автоктония стать выходом из ситуации страдания? Мою гипотезу можно сформулировать следующим образом: автоктония может быть решением проблемы страдания только в строго определенных онтологиях. Под автоктонией (*aftoktonia*) я буду подразумевать добровольное и активное действие субъекта, направленное к собственному ничтожению. Что может сказать философ человеку в отчаянии? Я хочу предложить свой ответ, удерживающий человека от автоктонии.

В статье мы рассмотрим ряд парадигмальных онтологических стратегий применительно к автоктонии. В онтологии Платона впервые в истории западной философии появляется разделение на по-стороннее и потустороннее измерения – назовем их двумя онтологическими порядками; автоктония оказывается переходом души из одного порядка в другой – после смерти меняется *измерение-обиталище*. История Иова является ярчайшим примером связывания проблемы страдания с идеей смерти. История Павла иллюстрирует религиозное затруднение, связанное с проблемой автоктонии: если автоктония ускоряет приближение к Богу и избавляет от страдания, то есть ли основания для воздержания от нее? Икриз Мазер парирует: автоктония греховна, а потому отдаляет от Бога и обрекает субъекта на еще большее страдание. Концепция Шопенгауэра репрезентирует около-буддистский взгляд на проблему, дополняя христианскую и нерелигиозную точки зрения. Гартман показывает пределы стратегии автоктонии, выявленные в ситуации тотальности страдания.

¹ Камю А. Миф о сизифе // Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 24. Перевод изменен.

Проблема автоктонии принимает катастрофические очертания в мире релятивистской этики: если нет веских причин не совершать автоктонию, то почему бы и правда не совершить ее? Новый материализм, преодолевая скептицизм и релятивизм, предлагает материалистически-фундированную этику: у одного из двух вариантов дилеммы всегда есть более веские этические и материалистические основания для выбора. Так дело обстоит и в случае с проблемой автоктонии.

Итак, первая часть статьи реконструирует историю автоктонии в философии – как формировалась идея о том, что автоктония может быть выходом из ситуации страдания. Кроме того, я предлагаю онтологизацию концепций, связывающих страдание и автоктонию. Во второй части статьи я примеряю оптику нового материализма к поставленной проблеме и демонстрирую нерелевантность автоктонии как способа избавления от страдания.

I. Автоктония в истории философии: парадигмальные решения

A. Платон

Платон известен как философ, впервые сформулировавший разделение на потусторонний (идеальный) и посюсторонний (материальный) миры. Это разделение важно для нашей проблемы.

В «Апологии Сократа»² Платон, обращаясь от имени Сократа к судьям, говорит, что настоящий философ не лишен оснований радоваться перед смертью и что после смерти он может надеяться получить величайшее благо в ином мире. Платон говорит, что смерть разделяет душу и тело, а после смерти душа начинает существовать сама по себе, освобождаясь от тела (а тело, в свою очередь, освобождается от души). Смерть связывается с освобождением от материального мира, а вместе с этим – и с обретением независимости от чувственного восприятия, искажающего познание. Философа отличает то, что он желает *уйти* от тела и обратиться к душе, и рассуждает о том, как происходит приобретение знания. Является ли тело препятствием или помощником на этом пути? Насколько точны свидетели – зрение и слух? С точки зрения Платона, мысль совершеннее,

² Платон. Апология Сократа // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.

когда ум собран в себе и ничто не беспокоит его – ни звуки, ни зрелища, ни боль, ни удовольствие, – когда мысль покидает телесные чувства и желания, она устремляется к истинному бытию. Так, согласно Платону, чистого знания достигает тот, кто познает лишь одним умом, избавившись от глаз, ушей и всего тела, мешающих душе обрести знание и истину. Платон приходит к выводу, что если душа, находясь в «обществе» тела, не может иметь чистого познания, то отсюда следует одно из двух: либо познания вообще нельзя достичь, либо его можно достичь после смерти, когда душа отделится от тела и будет существовать сама по себе. В жизни мы ближе всего приближаемся к познанию тогда, когда имеем как можно меньше общения с телом и не пресыщаемся телесной природой, но сохраняем себя чистыми до того часа, когда самому Богу угодно будет освободить нас. Если смерть ведет в другой мир, где обитают души всех мертвецов, то смерть есть самое большое добро³. Платон мечтает, что он сможет продолжить после смерти поиски истинного знания, сможет узнать, что мудр, а кто только притворяется мудрым, сможет беседовать с ушедшими мудрецами.

Страдание имеет внутреннюю структурную связь с материальным измерением: душа страдает по причине обремененности, связанности с телом. Согласно Платону, войны – насилие, которое и приводит к страданию, – ведутся из-за любви к деньгам, а деньги люди приобретают ради удовлетворения телесных прихотей⁴. Авток-

³ «А чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером! Что меня касается, то я желаю умирать много раз, если все это правда; для кого другого, а для меня было бы удивительно вести там беседы, если бы я встретился, например, с Паламедом и Теламоновым сыном Аяксом или еще с кем-нибудь из древних, кто умер жертвою несправедного суда, и мне думается, что сравнивать мою судьбу с их было бы не неприятно». Платон. Апология Сократа // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 95–96.

⁴ Только вскользь в «Федоне» Платон связывает материальный мир и войны, распри, которые зачинаются ради денег и на которые бенефициарий рассчитывает купить удовольствия для тела. Уже здесь можно увидеть намек на разрывавшуюся в последующей истории философии и истории авраамических и неавраамических религий отождествление материального и наполненного страданием. «А кто виновник войн, мятежей и битв, как не тело и его страсти? Ведь все войны происходят ради стяжания богатств, а стяжать их нас заставляет тело, которому мы по-рабски служим». Платон. Федор // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 17–18.

тония как стратегия выхода из страдания работает за счет разделения души и тела, после которого душа либо прекращает существование, либо направляется в идеальный мир, в котором нет материи, а значит и страдания. Здесь важна платоновская гипотеза: для того, чтобы автоктония могла стать выходом из ситуации страдания, необходимо потустороннее измерение (или его отсутствие, то есть небытие). Если после автоктонии наступает блаженство, то страдание действительно прекращается и автоктонию можно считать целесообразной стратегией. Так, автоктония может стать стратегией освобождения от страдания *только при условии* существования потустороннего мира, и можно сказать, что с точки зрения Платона смерть может принести избавление от страдания.

В. Страдания Иова

Одним из наиболее ярких эпизодов, связывающих страдание и желание смерти, в истории культуры является рассказ о страданиях Иова. Книга рассказывает о небесном суде перед Богом, на котором был Сатана. Господь спросил его: «Увидел ли ты раба Моего Иова? Вы не найдете никого подобного ему на земле, человека непорочной и честной жизни, который боится Бога и противится неправде»⁵. На что Сатана ответил: «Разве у Иова нет веских причин быть богобоязненным? Разве ты не оградил его со всех сторон своей защитой, его, его семью и все его имущество? Но просто протяни руку и коснись всего, что у него есть, и посмотри, не проклянет ли он тебя в лицо»⁶. Тогда Бог ответил, что со всем, что есть у Иова, кроме его жизни, Сатана властен делать, что хочет. В тот день Сатана разными способами убил всех волов, ослов, пастухов, овец, верблюдов, сыновей и дочерей Иова. Когда Иов узнал о том, что Сатана властен делать все, что он хочет, над всем, что есть у Иова, кроме его жизни, он встал, разорвал свой плащ, обрил свою голову и пал ниц на землю, говоря: «Наг я вышел из чрева, / наг я вернусь туда, откуда пришел. / Господь дает, Господь и берет; / благословенно имя Господне»⁷. В ужасе боли Иова одолевают мысли о смерти – *о смерти как о способе избавления* от страданий. Кажется, что Иов жаждет покоя небытия. Неизвестно, думал ли Иов о том, что

⁵The new Oxford annotated Bible, p. 727.

⁶The new Oxford annotated Bible, p. 728.

⁷ Ibid, p. 728.

автоктония может стать порталом в рай, но он точно думал о том, что смерть лучше страданий⁸. Концепция избавления от страданий через смерть здесь уже намечается. Подчеркнем: чтобы автоктония могла стать выходом из ситуации страдания, необходимо потустороннее измерение (или его отсутствие – небытие). Если после автоктонии наступает блаженство, то страдание действительно прекращается и автоктония можно считать целесообразной стратегией его прекращения.

С. Павел в темнице

Рассказ о метаниях апостола Павла в темнице поможет нам увидеть, что автоктония может быть выходом из ситуации страдания только в том случае, если после смерти жизнь души продолжится в раю (о жизни в аду речь пойдет *ниже*). Апостол задумывается об автоктонии как о способе *приобретения загробной жизни со Христом*. Павел описывает сложности в своем отношении к смерти. С одной стороны, он хочет «отойти и быть со Христом» и рассматривает смерть и загробную жизнь после нее как «приобретение». С другой, у него есть обязательство продолжать жить. Это противоречие между необходимостью продолжать земные дела и желанием воссоединиться с Христом будет преследовать Апостола Павла на протяжении всей его дальнейшей *христианской* истории: «Меня тянут двумя путями: мое собственное желание – уйти и быть со Христом – это гораздо лучше; но ради Тебя мне еще более необходимо оставаться в теле. Это убеждает меня: я уверен, что останусь и поддержу всех вас, чтобы обеспечить ваш прогресс и радость в вере»⁹. Павел уже рассматривает автоктонию в качестве способа перехода в загробную жизнь со Христом, однако выбирает продолжение жизни в теле, чтобы поддержать в земных делах христиан. Мы можем предположить, что загробная жизнь со Христом была бы освобождена от страданий, в отличие от земного пребывания в темнице. Автоктония в случае Павла может рассматриваться как способ выхода из ситуации страдания. Таким образом, в рассказе о заключении «апостола» Павла автоктония как стратегия выхода из ситуации страдания работает, опять же, за счет открытости потустороннего измерения: страдание должно прекратиться после смерти, поскольку человека ждет переход к небесному, лишенному злключения бытию со Христом.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid, pp. 2062–2063.

Д. Инкриз Мазер

Самоуничтожение с целью избежания страдания неоправданно, поскольку человека, совершающего автоктонию, после смерти ждет вечное наказание¹⁰. Грешные создания думают про себя, что проживи они еще немного, то их ждет еще более ужасная смерть. И потому про них, выбирающих смерть, можно сказать: грех ты избрал, а не страдание. Следуя Инкризу Мазеру, в искушениях к автоктонии кроется сатана. Дьявол убеждает людей подумать о том, как избавиться от страданий *грехом*. Сатане угодно, чтобы последним действием, которое люди совершают перед тем, как уйти из мира, было совершение великого греха против Бога. Человек грешит против самого себя, против своей души, против своего тела – ненависть *своей* плоти. Инкриз Мазер выносит свой вердикт – ни один убийца не имеет жизни вечной. И никакой человек, совершивший автоктонию, без покаяния не будет прощен и допущен к вечной жизни. Это ясный библейский принцип: не раскаявшегося убийцу нельзя спасти. Есть некоторые грехи, от которых должен быть сохранен избранный человек. Такова непростительная хула на Святого Духа. И такова окончательная нераскаянность. Поэтому, когда речь идет о тех, кто обладает разумом и знает, что делает, Мазер говорит, что нужно остерегаться греха автоктонии всякому, кто печется о спасении своей драгоценной и бессмертной души. Причинение вреда от страха, добавляет Инкриз Мазер, является невыразимым безумием для детей человеческих – они совершают поступок без покаяния и бросаются к месту, где будут нуждаться во всем. Они никогда не увидят света. Следуя христианской мысли, в аду – нужда во всем: нет в нем ни духовных благословений, ни суббота, ни каких-либо средств благодати, нет и никаких земных удобств тоже; ни капли воды, чтобы облегчить муки языка¹¹. Следовательно, автоктония как стратегия выхода из ситуации страдания нецелесообразна. В онтологии Мазера измерение вечной жизни закрыто для *автоктонов*. Артикулировано заявляет о себе концепция ада – пристанище грешников, убивших себя.

¹⁰ Mather I. A Call to the Tempted: A Sermon on the Horrid Crime of Self-Murder. URL: <https://ethicsofsuicide.lib.utah.edu/category/author/increase-mather/> (дата обращения: 31.10.23).

¹¹ Ibid.

Е. Шопенгауэр

Мысль Шопенгауэра важна в качестве примера несостоятельности автоктонии как способа прекращения страдания в ситуации, когда причина страдания выходит за пределы индивидуальной жизни. Шопенгауэр критикует автоктонию и не считает ее, за особым исключением, способом выхода из ситуации страдания. С точки зрения Шопенгауэра, обычная индивидуальная автоктония не может избавить человечество от страданий. Однако с помощью некоторых методов, таких как, например, добровольное голодание, осуществленное со специальной подготовкой, можно погасить в человеке желание и волю к жизни, являющуюся источником страданий¹².

Причина страданий человека заключается в его одержимости желаниями и стремлениями. Печаль неотделима от жизни, а счастья невозможно достичь, поскольку в истории правят эгоизм, злоба и случай. Так может ли автоктония решить проблему страдания? На первый взгляд, нет: Шопенгауэр, продолжая традиции буддизма, пишет, что от источника страданий можно избавиться только отказавшись от желаний, как это делают святые, что возможно осуществить только если подавить в себе волю к жизни. Но автоктония – это не отрицание воли к жизни, как может показаться, а ее утверждение. Автоктон стремится избежать страданий жизни, но в основе этого стремления, как и в основе воли к жизни, лежит желание: суицидент желает жизни, желает неограниченного существования и утверждения тела; но осложнение обстоятельств не позволяет этого, что и причиняет ему большие страдания. Поэтому автоктон не отказывается от воли к жизни, а отказывается *только от жизни*. Никакая

¹² Чувственный мир обретает свой облик лишь получая отражение в сознании познающего субъекта, то есть мир есть представление – первоначалом вселенной является иррациональная и бессознательная воля. Воля к жизни управляет миром бесцельно, стихийно и свободно. Существовая во всех вещах, воля обретает сознательную форму лишь в человеке. Познающий субъект главенствует в иерархически упорядоченных проявлениях воли, возвышаясь над природой. Воля так сильно стремится к господству, что принимает форму борьбы всех сил природы и всех индивидов за материю, время и пространство. На верхних ступенях антагонизм доходит до того, что не только индивидуумы, выражающие одну и ту же идею, истребляют друг друга, но даже один и тот же индивидуум объявляет войну самому себе. См.: Schopenhauer A. The Assertion And Denial Of The Will // The World as Will and Idea. London: Trübner & Co, 1909. PP. 350–527.

физическая сила не может сломить волю к жизни, а может только прекратить ее проявление в конкретном месте и времени. Индивидуальная воля своим собственным действием скорее кладет конец телу (но не виду), которое является ее частным видимым выражением – вместо того, чтобы позволить страданию сломить волю. Если не пытаться прервать страдание, а довести его до предела, то уничтожение воли к жизни возможно. Автоктония, следуя Шопенгауэру, подобна больному, который после того, как была начата болезненная операция, обещающая полное его излечение, не позволяет ее завершить, а предпочитает сохранить свою болезнь. Человек отвергает страдание, в то время как оно могло бы стать отрицанием воли к жизни:

Представьте, что акт зачатия не был бы потребностью и не сопровождался бы сексуальным удовольствием, но был бы вопросом чистого рационального размышления; продолжило бы человечество существовать? Не имел бы каждый, напротив, столько сострадания к последующему поколению, что не выбрал бы освободить его от бремени существования – или, по крайней мере, отказался бы взять на себя хладнокровное принуждение к нему?¹³

Но для того, чтобы от этого «бремени» освободиться и прекратить размножение, человек должен овладеть познанием истинной природы мира. Это знание, лежащее в основании успокоения воли к жизни, может появиться тогда, когда развитие воли к жизни дошло до уровня самопознания: только если воля к жизни проявляет себя неограниченно, человек может постичь ее природу. Путь спасения лежит не там, где есть физическая сила, а там, где происходит непрерываемое страдание и его познание. Именно по этому пути идет аскет. Если автоктон, исходящий из страдания и отчаяния, желает лучшего мира и отвергает жизненные страдания, то *аскетический автоктон* отрицает жизненные удовольствия – жизнь есть страдание. Это аскетическое угасание воли к жизни происходит в человеке, который претерпевает «добровольное голодание». Аскетический автоктон перестает проводить через себя волю к жизни, поскольку он перестает желать. Заметим, что речь идет об одном измерении – одном онтологическом порядке, в котором существуют и тело, и душа.

¹³ «Спаси планету – убей себя»: Церковь Эвтаназии против всех. URL: <https://discours.io/articles/social/church-of-euthanasia> (дата обращения: 10.07.2024).

Е. Эдуард Гартман

Мысль Гартмана интересна нам как располагающаяся на границе между автоктонией и концом света. Согласно Гартману, главный недостаток автоктонии как стратегии выхода из ситуации и страдания – это ограниченность ее масштабов. Автоктония может стать выходом только для одного человека. Гартман же подходит вплотную к границе тотального выхода из ситуации страдания, утверждая: ни индивидуальная, ни коллективная автоктония не может решить проблему страдания. Всякое воление ведет к несчастью, а мировую волю можно уничтожить только в *универсально-космическом* отрицании воли.

Онтологии Э. Гартмана и Шопенгауэра сходятся – у бессознательного есть два атрибута: воля (практика) и представление (интеллект). Воля слепа и неразумна, но активна, идея же разумна, но пассивна¹⁴. Сущность сознания заключается в освобождении разума от иррациональной воли, а цель прогресса состоит в том, чтобы сделать цели бессознательного целями сознания. Воля и разум находятся в состоянии конфликта: если воля стремится к удовлетворению желания и счастью, разум освобождается от импульса воли с развитием сознания; чем совершеннее развивается сознание в ходе мирового процесса, тем более оно освобождается от слепой зависимости от иррациональной воли. С освобождением от иллюзий достижимости счастья, за которое борется воля, разум становится к ней все враждебнее. Разрушение иллюзий приносит знание, что всякое воление приводит к несчастью. В сфере разума действуют логическое рациональные правила, противные воле. Когда идея достигает оформленности, она начинает стремиться к отмежеванию от всего иррационального, что достигается через ничтожение.

Бытие, которое полагается волей, с самого начала обладает неразумным характером. Таким образом, бытие есть то, чего не должно быть. Эта неправильность бытия принимает форму страдания, которому подвергается все сущее. Здесь Гартман соглашается с Шопенгауэром: небытие предпочтительнее бытия, поскольку последнее содержит больше страдания, чем счастья. Поскольку природа и

¹⁴ В начале воля и представление находились в состоянии небытия, чистой потенции, но затем она *захотела хотеть* и перешла из потенциального в актуальное состояние. Бессознательное – это духовное начало, которое движет всем, чем не движет индивидуально-сознательная воля и представление, вещественные и механические причины.

история развиваются, ожидаема победа разума над неразумной волей. Цель процесса состоит в освобождении от мук существования, и люди играют главную роль в ускорении этого процесса: сознание делает своей целью избавление мира от страданий воли. Разумность мирового процесса состоит в постепенном приготовлении уничтожения того, что было создано первичным неразумным актом воли. При этом разумная идея не может прямо и сразу упразднить мир, что проявляется в том, что она идет обходным путем, создавая условия для появления сознательных существ. В людях «мировой разум» освобождается от слепой воли. Следствием этого освобождения становится обретенная людьми возможность привести к цели мировой процесс. Эволюция влечет вселенную к самоуничтожению через осознание ее наполненности страданием, но путь к небытию лежит через прощание с иллюзиями о счастье. Первая иллюзия: счастье либо достигнуто, либо, по крайней мере, достижимо в земной жизни. Вторая иллюзия состоит в убежденности, что счастье достижимо после смерти в загробной жизни. Третья иллюзия – счастье может быть достигнуто в будущем в историческом развитии. С точки зрения Гартмана, не только счастье не достигается в ходе эволюции, но, напротив, складываются его противоположности – несчастье и страдание. Не счастье, а, напротив, страдание – суть жизни. Как и Шопенгауэр, Гартман говорит о необходимости *преданности страданиям жизни*, а не бегства от них. Только тогда тоска по покою и безболезненности небытия зародится и станет настолько глубокой, что превратится в практический мотив, ведущий к уничтожению воли и существования.

Гартман развивает идею космического самоуничтожения. Когда все человечество коллективно объединится в понимании причины страдания, бессознательное освободится от этого страдания и мировой процесс прекратится. Человечество и мир в целом сознательным, космически-универсальным отрицанием желания и воли возвратятся в состояние *чистой потенции* или *небытия*. После этого не будет больше ни воли, ни времени. Этот исход предпочтителен по Гартману, и подлинный ужас мира заключался бы в бесконечности:

Если бы эта победа была невозможною, если бы этот процесс не был развитием, идущим к мирной цели; если бы он был бесконечен и исчерпывался бы только слепой необходимостью и случайностью, не представляя никакой возможности к благополучному

завершению, то, конечно, тогда и только тогда мир представлял бы нечто абсолютно безнадежное, он был бы адом без исхода; и тупое самоотвержение было бы единственно возможною философией. Но мы, которые признаем в природе и истории величественный и чудесный процесс развития, мы верим в конечную победу все ярче и ярче светящегося разума над неразумием слепого воления, мы верим в конец процесса, несущий нам спасение от муки бытия, конец, для ускорения которого и мы можем внести свою лепту, если будем руководиться разумом¹⁵.

Как же должно быть осуществлено полное уничтожение воли сознанием? Сознательное познание, продолжает Гартман, не может напрямую подавить волю, но может только возбудить противоположную, то есть *отрицательную волю*, которая уменьшает интенсивность положительной воли. Если отрицательная воля столкнется с желающей мировой волей и перевесит ее в борьбе, мировой процесс схлопнется в силу уничтожения волями друг друга:

Первым условием успеха работы является то, что самая большая часть Бессознательного Духа, проявляющего себя в нынешнем мире, должна быть найдена в человечестве; ибо только тогда, когда отрицательная часть воли в человечестве перевешивает сумму всей остальной воли, объективирующей себя в органическом и неорганическом мире, только тогда человеческое отрицание воли может без остатка уничтожить всю действительную волю мира и весь космос мгновенно исчезнет из-за прекращения воли, которая одна дает ему существование¹⁶.

Гартман считает, что когда-нибудь в будущем, когда человечество лучше познает страдания и откажется от иллюзий о счастье, часть человечества соединит в себе столько отрицательного духа и воли, что они перевесят дух и волю, действующие в остальном мире. Поэтому индивидуальная и коллективная автоктония бессмысленны: они прекращают лишь конкретное проявление воли, но не в масштабе вселенной. В пику Шопенгауэру Гартман объявляет нелепым и аскетическое отрицание воли: умерщвляя лишь тело, оно не уничтожает бессознательную волю к жизни. Суицид или аскеза едва ли приводят

¹⁵ Hartmann E. *Philosophy of the unconscious*. London: K. Paul, Trench, Trübner & co., 1893.

¹⁶ Ibid.

к более значительному результату, чем смерть от болезни или случайная смерть, вызванная падением черепицы: уничтожается лишь видимость, а воля объективируется в новых индивидах.

То же относится и к коллективному исчезновению человечества. Сексуальное воздержание всего человечества и прекращение деторождения приводит только к тому, что мир продолжит существовать и когда-нибудь под действием бессознательного зародится новое человечество:

Какой прок, например, был бы от того, что человечество вымерло бы вследствие полового воздержания, а несчастный мир продолжал бы свое бытие: в результате оказалось бы, что Бессознательное должно было бы воспользоваться первым случаем создать нового человека или ему подобный тип, и вся история стона и скорбей пошла бы сызнова. <...> Для того, кто крепко стоит на всеединстве Бессознательного, спасение, переход воления в неволение мыслимо только как всеединый акт, не как индивидуальное, но как космически-универсальное отрицание воли, как последнее мгновение, после которого не будет никакого воления, никакой деятельности¹⁷.

В онтологии Гартмана автоктоническая стратегия избавления от страдания не работает: автоктония может прекратить лишь одну жизнь, страдания же есть везде, где властвует воля к жизни. Здесь автоктоническая стратегия находит свои онтологические пределы. Также важно, что система Гартмана затрагивает одно измерение, или онтологический порядок: по Гартману представление о том, что счастье достижимо в загробной жизни, является иллюзией.

II. Может ли автоктония избавить от страдания с точки зрения нового материализма?

Проблема автоктонии наиболее остро проявляет себя в ситуации релятивистского мышления, которое не признает существования какой-либо подлинной реальности, способной фундаментализировать этическую и эпистемическую ориентации человека. Автоктония кажется освобождением от страдания в мире, где нет веских поводов ее не совершать. Оптика нового материализма, возвращая или открывая «новое реальное», может помочь увидеть то, что постмодернистская

¹⁷ Ibid, p. 298.

эпистемологическая установка не позволяет: *автоктония как стратегия выхода из страдания лишена смысла*. Харауэй пишет:

Поступки укорененных в ситуациях, реальных человеческих существ имеют материальное значение. Материально значимо то, с какими способами жить и умирать мы связываем свою жизнь¹⁸.

Новый материализм – часть реалистической философии, вызванной к жизни рядом философов в ответ на ситуацию постмодернистского скептицизма и релятивизма в духе Бодрийяра. Если все сконструировано и равно допустимо, то нельзя предпочесть одну этическую норму другой, и нельзя подобраться к «вещи-в-себе», если наш доступ к вещам всегда опосредуется через пласт человеческих нарративов¹⁹. Новый материализм потенциально способен дать ответы на то, на что постмодернистская философия только скептически пожимает плечами, а постструктурализм оказывается бессилён и признаёт свое поражение – там, где настоящей битвы ещё не было. Этот «материальный феминизм» предлагает подход к этике, который выводит нас из тупика культурного релятивизма: если культурный релятивизм полагает, что все этические позиции равны и мы не способны делать никаких кросс-культурных, универсалистских суждений, то *материальная этика* предполагает, что мы можем сравнивать вполне реальные материальные соответствия этических позиций и делать выводы на основе этих сравнений. Например, мы можем утверждать, что материальные последствия определенной этики, нежели иной, в большей степени способствуют процветанию человека и нечеловеческих агентов²⁰. Так, например, согласно Карен Барад, важным в каузальных интра-акциях является тот факт, что на телах остаются следы

¹⁸ Харауэй Д. Оставаясь со смутой. Пермь: HylePress, 2020. С. 127.

¹⁹ В частности, определение всех научных утверждений как равноправных социальных конструкций не даёт экологам возможности аргументировать свою позицию. В качестве примера можно привести современные «дебаты» о глобальном потеплении, в ходе которых политические консерваторы пытаются дискредитировать научные данные. Экологическая политика требует признания науки как способной раскрывать необходимые знания о нечеловеческих существах, экосистемах и других природных агентах. Этот тупик также ставит в затруднительное положение феминисток, которые стремятся обнародовать факты насилия над женщинами.

²⁰ Alaimo S. Introduction: emerging models of materiality in feminist theory // Material feminism. Bloomington: Indiana University press. P. 7.

воздействия. Объективность означает способность увидеть следы на телах, что позволяет пройти по следам этих отметин и на основе полученной информации построить материальную объективную этическую конструкцию.

А. Материя: мертвая, живая. Автоктония как способ избавления от страдания в онтологиях нового материализма

Ответы новых материалистов на вопрос о том, что есть страдание, разнятся в зависимости от их *позициональности*.

Позициональный подход – тип феминистского социального конструкционизма, утверждающий игру истин в мире текстуализированных властных структур. Оппонируя этому, Харауэй выдвигает следующее: познание фундировано в *местоположении* в мире; в материальной, а не текстуализированной телесности, а потому является ситуативным, всегда связанным с позицией и *местом*, которое одновременно выступает (не-)метафорой. Познание есть материальная практика, а любые позиции основаны на распределении привилегий и угнетения. Практики господства материальны, как материальна и истина. Но истина есть, и она постижима – *интерпретации* реального мира заслуживают *доверия*. Объективность же понимается Харауэй не как в Новое время: объективность не бестелесна. Феминистская объективность – одну из версий которой Харауэй и предлагает в противовес позициональному подходу и феминистскому эмпиризму – означает определенное положение и ситуативное знание, имманентность и отсутствие субъект-объектного разделения. Только частичная объективность может дать объективное видение. Отказываясь стремиться к месту «над схваткой» – к «уловке бога» – Харауэй выступает за перспективу *как бы* из гетерогенного и противоречивого тела²¹.

Ненси Хартсок, описывая позициональный подход, использует марксистский тезис: взаимодействие общества с природой в процессе производства формирует индивидов и теорию познания общества; эпистемология находится в сложных и противоречивых отношениях с материальной жизнью. Материальная жизнь – классовая позиция в марксистской теории – структурирует и устанавливает *лимиты понимания социальных отношений*: позициональный базис

²¹ Ситуативное знание // Логос, 2022, № 1. С. 23.

формирует сексуальное разделение труда. Феминистские марксисты и материалистические феминистки утверждали, что позиция женщин в обществе структурно отличается от позиции мужчин, и, таким образом, реалии жизни женщин отличаются от реалий мужчин – и у этого утверждения есть эпистемологические последствия. Структуры определяют женскую активность как матерей – тех, кто вносит вклад в существование, воспроизводя жизнь. Как и жизни пролетариев у Маркса, жизни женщин по Хартсок доступна определенная выгодная привилегированная *точка зрения* на мужское превосходство. Эта перспектива может быть основанием критики фаллократических институтов и идеологии, которые конституируют капиталистические формы патриархата. Феминистская точка зрения позволяет нам понять патриархальные институты и идеологии как извращенные инверсии более гуманных социальных отношений. Видение подчиненных групп *двойное*: с одной стороны, они вовлечены в общественные отношения, которые организованы правящим классом и вынуждены участвовать в них, с другой стороны, они получают образование, доступ к которому открыт только изнутри борьбы за изменение этих отношений. Получается, эпистемологическая позиция угнетенных более привилегирована к достижению истинного знания. Поэтому мы попробуем подойти к страданию с этих позиций, и наконец перейти к конкретному, формальному определению страдания²².

Выдвинем следующую концепцию страдания. Объективная причина страдания – *насилие*, то есть ничтожение, преуменьшение количества бытия. Субъективная причина страдания заключается в наличии желания, которое нельзя удовлетворить²³. Мы определяем страдание как *способность испытывать ничтожащие воздействия*, которые обращают субъекта в пассивного и воспринимающего. В широком же смысле любое изменение является ничтожением. Взаимодействие между агентами есть обоюдоострый меч: одно и то же сущее выступает то активным насильником, то пассивной жертвой. Любое столкновение с Другим на онтологическом уровне является насилием,

²² Hartsock N. The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism // *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, and Philosophy of Science*. Dordrecht: Reidel, 1983. P. 99.

²³ В субъективном смысле причиной страдания так же является ничтожение: неудовлетворенное желание приносит страдание, которое ничтожит бытие человека.

поскольку сущие конкурируют за место в бытии: сущее стирает, стачивает другое сущее, с которым оно взаимодействует, изнашивает его, уменьшая срок его жизни и его активность. Но там, где есть насилие, есть и страдание – как его обратная сторона. Следовательно, страдание так же укоренено в бытии, как и насилие. Таким образом, наш главный вопрос можно переформулировать следующим образом: может ли умерший физической смертью человек испытывать ничтожащее воздействие, быть пассивным, страдать?

Но что такое умерший человек? Мы можем рассматривать человека как полностью материальное существо, без разделения на тело и душу, – как это делает Джейн Беннет или Роза Брайдотти, – или рассматривать его как материально-идеальное существо, как это делает Мейясу. В этом случае, во время смерти идеальное покидает тело, оставляя его как материальное. Мы примем монистическую, Спинозианскую, а не картезианскую дуалистическую позицию. Тогда вопрос будет переформулирован так: *страдает ли после смерти материя?* Может ли *мертвая материя* воспринимать?

Мертвая материя – это либо умершая органическая, либо неорганическая материя. Даже мертвая материя активна и может воспринимать, если мы мыслим как новые материалисты. Скажем несколько слов об активности материи в понимании нового материализма. Новый материализм, в отличие от «старого», концептуализирует материю в качестве активной субстанции, понимая активность как имманентно присущее материи свойство; в то время как для «старого» характерно понимание материи как пассивной, не-перформативно конституированной реальности. Старый материализм видит причинной механистического движения материи трансцендентные силы и законы движения: материя – это то, что приводится в движение чем-то другим. Новый материализм произрастает на Спинозистской и Лейбницанской почве – природа подвижна имманентной жизненной силой: материя есть ни что иное, как выражение самой этой силы. Джейн Беннет, одна из основных теоретиков нового понимания материи, опирается на Спинозистское понятие аффекта, которое обозначает способность тела к активному и реактивному действию²⁴. Все тела, включая органические и неорганические, естественные и куль-

²⁴ Беннет Д. Пульсирующая материя. Политическая экология вещей. URL: <https://syg.ma/@hylepress/dzhiein-bienniet-pulsiruiushchaia-matieriia-politichieskaia-ekologhiia-vieshchiei> (дата обращения: 31.10.23).

турные, *аффективны*. Делез и Гваттари утверждали, что понимать тело значит понимать на что оно способно, то есть каковы его аффекты, как они могут компоновать и разрушать тела, разрушаться самим, обмениваться с другими телами действиями и страданиями²⁵. Беннет подчеркивает, что то, что она называет безличным аффектом, не является силой, добавленной к материи. Аффект приравнивается Беннет к материальности, а «жизненный порыв» присущ материальности как таковой, и потому не может быть постулирован в качестве отдельной силы, которая может войти в физическое тело и оживить его. Пульсирующая материя Беннет не является сырьем для человеческой или божественной деятельности.

Беннет отказывается от допущения, что единственным источником витальности является дух или душа. Беннет, чьи идеи принадлежат немеханистической нетелеологической традиции, под витальностью материи понимает способность еды, товаров, ураганов и металлов быть активными агентами, обладающими собственными траекториями, вне зависимости от воли людей и взаимодействия с ними. Например, кислота омега-3 способна менять наше настроение, а выброшенный мусор порождает живые потоки химикатов и облака метана. В перечне можно упомянуть и телесность человека. Так, согласно феминистским теоретикам, нам нужно найти способ говорить о материальности женского тела как об активной, непокорной силе: тело способно испытывать удовольствие и боль, болезни и медицинское вмешательство, оно и подвергается воздействию, и воздействует само. Беннет задает вопрос:

Как, например, изменятся наши потребительские привычки, если на то, что казалось нам мусором, отбросами, хламом или «переработанными отходами», мы взглянем как на скопление живой и потенциально опасной материи? Что изменится в системе здравоохранения, если мы взглянем на поедание пищи как на встречу неоднородных тел, часть из которых принадлежит нам, другая часть – нет, и при этом ни одна из них не одерживает верх? Какие вопросы встанут перед исследованием стволовых клеток, если отказаться от допущения, что единственным источником витальности является душа или дух? Как изменится наша энергетическая политика, если взглянуть на электричество не просто как на ресурс, товар или инструмент, но также – и даже в большей степени – как на «актант»²⁶.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Материя Беннет активная, *само-творческая* и непредсказуемая²⁷. Мертвая материя может воспринимать *ничтожение*, поскольку смерть и жизнь есть *континуум*, а не дихотомия. В оптике нового материализма мы можем рассматривать смерть как имманентную, а не трансцендентную жизни. По мысли Брайдотти, необходимо выработать виталистское и материалистическое понимание смерти: в таком перформативном, а не декларативном витальном материализме границы между смертью и жизнью будут смещены²⁸. Жизнь как *zoe* охватывает смерть. Отрицается двойственность и диалектическая связь между Танатосом и Эросом: их можно рассматривать как единую жизненную силу, а желание смерти – как иное выражение желания интенсивно жить, говорит Брайдотти. Раскроем на примерах это положение нового материализма.

Агамбен демонстрирует пример размытия границы между жизнью и смертью, обращая внимание на состояние, называемое *ron noe*²⁹, иначе – состояние, при котором жизненные функции прекращаются, но аппараты жизнеобеспечения поддерживают коматозное состояние тела. Это явление заставило многих теоретиков пересмотреть определение смерти, сдвинув конечную границу жизни. Перед лицом этой «голой жизни», которая поддерживается и контролируется человеческими технологиями – различие становится научным, медицинским и этико-политическим вопросом. Другой пример – формы духовного умирания, сближающие границы между жизнью и смертью. Если на сознательном уровне мы боремся со смертью, то на бессознательном уровне мы стремимся спокойно лежать, мы склонны к апатии, депрессии, не подвижности. Мы хотим исчезнуть, влившись в поток становления. Мы и избегаем смерти, и стремимся к ней. Аддикции, расстройства пищевого поведения, депрессия, аутокто́ния, выгорание, апатия, меланхолия, разочарование – виды духов-

²⁷ Разделение на активное социальное и пассивное материальное было не всегда, а возникло в Новое время. Так, еще в XIX веке в случаях смерти или ранения человека некоторым предметом последний должен был быть отдан богу или короне, чтобы компенсировать нанесенный им вред. Это показывает, что предметам приписывали обладание активной и креативной силами. К реконцептуализации такого понимания сил собственно предметов в дискурсе социальных наук и направлен материализм Беннет.

²⁸ Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. С. 201.

²⁹ Там же, с. 198.

ной смерти (саморазрушения), которые *размывают* границу между проживанием и умиранием. Практики эвтаназии и ассистированной смерти бросают вызов скрытому «закону жизни», покоящемуся на предположении ее самоочевидной ценности:

...тело оказывается потенциальным трупом. Это можно описать также как момент распада аскетичного субъекта, момент слияния с сетью нечеловеческих сил, обрамляющих его, с космосом в целом. Мы можем называть это смертью, но в монистической онтологии виталистического материализма оно связано с радикальной имманентностью. Мы обнаруживаем себя тем, чем мы были всегда: виртуальным трупом³⁰.

Вслед за Вирджинией Вульф, пишет Брайдотти, мы должны принять модус мышления «как будто нас уже не было», то есть *мыслить не против смерти, а вместе с ней*. Смерть вписана в наше бытие, поскольку мы смертны. Смерть постоянно маячит на психическом и телесном горизонте человека как всегда уже произошедшее событие: эта игра *всегда уже* потенциально закончена. Смерть присутствует в нашей жизни потенциально и виртуально (в смысле ее способности порождать актуальное): зрелище нашей смерти всегда маячит перед нами. Смерть конституирует наше сознание: событие осознания нами нашей конечности уже имело место на уровне сознания, что означает, что смерть расположена не перед нами, а позади нас. Таким образом, смерть уже включена в бытие: в описанной выше концепции Розы Брайдотти жизнь уже содержит в себе смерть. Мы можем заключить, что мертвая материя страдает уже потому, что страдает живая материя, в которую мертвая включена: живое и мертвое смешано словно в компосте, животные и люди скрещиваются генами в симбиозе, – как пишет Донна Харауэй. Следовательно, *мертвая материя также может страдать, как и живая*. Но каким образом мертвая материя может быть воспринимающей? Опираясь на новый материализм, мы в первую очередь обнаруживаем, что есть *материальное измерение автоктонии*, которым до сих пор ученые пренебрегали, сосредотачивая свое внимание на ее идеальных мотивах и последствиях.

Согласно Барад, материя способна страдать, поскольку пронизана возможностями и эросом, желанием и имманентными ей «жизненными» силами, при этом являясь не субстратом, воспринимающим

³⁰ Там же, с. 229.

поток извне, но имманентным динамизмом. Ощущение, желание, переживание – не уникальные характеристики или способности человеческого сознания, – нет, материя тоже чувствует, страдает, желает, тоскует и помнит. Джейн Беннет, опираясь на Спинозу и Делеза, показывает, что органические и неорганические тела, естественные и культурные объекты аффективны, то есть способны к активному и реактивному действию. Делез и Гваттари говорили об этом так:

Мы ничего не знаем про тело, пока не знаем, на что оно способно, – другими словами, каковы его аффекты, как оно может или не может скомпоноваться с другими аффектами, с аффектами другого тела, чтобы либо разрушить это тело, либо самому разрушиться благодаря ему, либо обменяться с ним действиями и страданиями или соединиться с ним, komponуя более мощное тело³¹.

В. Обоюдоострый меч: как материи взаимодействуют друг с другом, будучи одновременно активными и воспринимающими?

Представим: одна и та же материальная субстанция, конкретный токсин, например, ртуть или диоксин, может воздействовать на работников, которые ее производят, на район, в котором она производится, на домашних и диких животных, которые ее проглатывают, и на людей, которые проглатывают животных, которые ее проглотили. Токсин, будучи частью активной материи страдает, воспринимая взаимодействие с человеком или с животным, а мусор наоборот способен порождать «живые» потоки химикатов и летучие облака метана. Мы также знаем, что фталаты и винилхлорид способны влиять на человека (и других животных) – способствовать развитию онкологии. Рабочие вдыхают ПВХ-пыль, пористость человеческих тел и пористость ПВХ позволяют обмениваться молекулами, где ПВХ и фталаты проходят через кожу и плоть, слизистые оболочки кишечника и легких³². Пластик превращается в плоть, то есть пластик взаимодействует и

³¹ Беннет Д. Пульсирующая материя. Политическая экология вещей. URL: <https://syg.ma/@hylepress/dzhiein-bienniett-pulsiruiushchaia-materiia-politichieskaia-ekologhiia-vieshchiei> (дата обращения: 31.10.23).

³² Tuana N. Viscous porosity // Material feminism. Bloomington: Indiana University press. P. 199.

воспринимает плоть. Компоненты бутылки обладают способностью превращать естественную плоть моего тела в материал или структуру, отличную от той, которая существует в природе. Части пластика становятся частью моей плоти. Как только происходит молекулярное взаимодействие, не существует более разделения между природным и культурным, естественным и искусственным.

Интересным примером является способность материи *воспринимать* математическое. Мейясу считает неорганическую материю математической лишь постольку, поскольку она пассивно проявляет фиксированную, predetermined природу. Кирби приходит к почти противоположному выводу – как язык не является исключительным свойством людей, так и математическое мышление не является исключительным; все практикует математику, хотя всегда определенными способами, которые также служат непрерывному (пере)определению того, что есть *математика*. Если люди – материальные существа, занимающиеся математикой, тогда математикой занимается материя. Будучи способной к математике, материя способна воспринимать математическое воздействие, например, изучение математики изменяет мозг, *делая* его более логичным и последовательным³³. Можно также вспомнить киборга Харауэй, полу-органического, полу-кибернетического гибрида. Харауэй называет его «межвидовым товариществом». Это товарищество с неорганическими «видами» объектов показывает нам, что неорганическая материя тоже способна к взаимодействию и к претерпеванию³⁴. *Органическая умершая материя тоже может воспринимать.*

Рассмотрим в качестве примера процесс посмертного осмотра людей, совершивших автокτονию, в финской медицине XIX века. Итак, мертвая материя подвергается воздействию врачей. В XIX веке врач осматривал внешний вид тела суицидента на предмет наличия кровоподтеков, порезов, ссадин и других внешних повреждений, после чего вскрывал череп, грудную и брюшную полости³⁵. В заключении

³³ Gamble C. What is new materialism // Journal of the Theoretical Humanities, 2019, Vol. 6. P. 119.

³⁴ Бихар К. Введение в объектно-ориентированный феминизм. URL: <https://syg.ma/@galina-1/katrin-bikhar-vviedieniie-v-obiectno-orientirovannyi-feminizm-chast-1> (дата обращения: 31.10.23).

³⁵ Salmela A. Fleshy Stories. New Materialism and Female Suicides in Late Nineteenth-Century Finland. URL: https://brill.com/view/journals/hcm/6/1/article-p1_3.xml (дата обращения: 31.10.23).

вскрытия составлялся акт, в котором указывалась причина смерти и, по возможности, психическое состояние умершего. Тело являлось ограничивающим фактором: врач должен был его учитывать и, что немаловажно, основывать свое мнение на результатах вскрытия, то есть на телесных фактах. Врачи могли, например, описывать трупы, указывая, что у трупа «ненормально большое, чрезвычайно жирное сердце» или «нормальные сердечные клапаны» или «замечательно маленькая селезенка ... [но] ничего особенного в кишечнике». Иными словами, тела были как воспринимаемыми объектами, так и активными участниками вскрытия: врачи обращали внимание на размер, форму и текстуру органов. Еще одним примером влияния на мертвые тела являлась погода. Мертвое тело подвергалось воздействию погоды и разлагалось быстрее или медленнее, от чего впоследствии зависело заключение о смерти: если тело разложилось на жаркой погоде, заключить о реальной причине смерти становилось затруднительно. Умершие, чьи органы могли быть использованы для трансплантации, являлись «живыми трупами»: их тело было живо, но разум, – который современная медицина локализовала в мозге, – мертв. Соответственно, умирал человек, живущий в мозге, а не тело *вообще*. То есть смерть – это прежде всего смерть личности, локализованной в мозге, в то время как тело продолжает существовать и быть живым: оно влияет на мир – и подвергается его влиянию. Обозначив мертвую материю как то, что как минимум способно к восприятию и воздействию, мы можем заключить, что автоктоническая стратегия не является здесь рабочей: она не прекращает страдание.

* * *

Резюмируем обе части. Обретение независимости от материального ведет либо к небытию, либо к переселению души из земного мира в другой. Материальное наполнено страданием: войны, сражения и распри происходят потому, что тело желает денег, чтобы приобрести телесные удовольствия. Автоктония как стратегия выхода из страдания работает за счет разделения души и тела, после которого душа либо прекращает существование, либо направляется в идеальный мир, в котором нет ни материи, ни страдания. Страдания Иова – один из наиболее ярких в истории культуры эпизодов, связывающих страдание и желание смерти: он желает смерти как избавления. Заключенный в темнице апостол Павел задумывается о автоктонии как о способе воссоединения в жизни со Христом. Он мечется: с одной

стороны, он хочет отойти от земных злоключений и быть со Христом, с другой стороны, у него есть обязательства продолжать земные дела, обеспечивать прогресс в вере христиан. Здесь автоктония как стратегия выхода из страдания потенциально работает, хотя и не актуализируется: страдание должно прекратиться после смерти за счет перехода к небесному бытию со Христом. С точки зрения Инкриза Мазера, автоктона после смерти ждет вечное наказание. Автоктонией искушает Сатана, которому угодно, чтобы последним деянием человека был непростительный грех. Так, библейский принцип гласит: нераскаявшегося человека, совершившего автоктонию, нельзя спасти, он попадет в ад, где его будут ждать страдания. В этом смысле стратегия выхода из страдания с помощью автоктонии неоправданна. Для Шопенгауэра причиной страдания является одержимость человека желаниями, в основе которой лежит воля к жизни, первоначально вселенной – обычная автоктония не способна справиться с избавлением человека от страданий, поскольку она не отрицает, а утверждает волю к жизни. В основе стремления избежать страданий жизни с помощью автоктонии лежит желание, как и в основе воли к жизни. Физическое устранение не может элиминировать волю к жизни, прекращая лишь ее проявления в конкретном индивиде, но оставляя нетронутым человеческий вид. Однако особая автоктония аскета способно привести к прекращению страдания. Если обычный человек, совершающий автоктонию, движим желанием прекратить страдание, аскет, совершающий автоктонию, ничего не желает, даже еды. Принимая, что жизнь есть страдание, вместе с голоданием он производит в себе угасание воли к жизни, то есть в его смерти происходит ничтожение коренной причины страдания. Гартман критикует идею индивидуальной автоктонии с целью освобождения от страдания. Автоктония может стать выходом только для одного человека, в то время как неуничтожимая в автоктонии мировая воля является причиной всеобщего страдания. Всякое воление с точки зрения Гартмана приводит к несчастью. Эволюция ведет Вселенную к целенаправленному уничтожению через осознание наполненности бытия страданием. Путем универсально-космического отрицания желания и воли человечество может возвратиться в состояние небытия: возбуждая отрицательную волю, человечество может подавить положительную волю. Путем уничтожения волями друг друга мировой процесс должен схлопнуться.

У всех авторов, которые были исследованы в первой части работы,

субстанцией, которая стремится освободиться от страдания, является душа. *Плюрализм измерений становится здесь онтологическим условием возможности такого освобождения*: душа попадает в небытие или в некий рай (мир идей, освященных благом, и так далее), и в обоих случаях страдание прекращается. Если душа попадает в ад, страдание продолжается. Если причина страдания заключается не в душе, а в первоначале, пронизывающем весь мир, то автоктония тоже не справляется с задачей *избавления*.

Во второй части статьи речь идет об освобождении от страдания материи или тела. Объективной причиной страдания, одолевающего человека, является насилие, то есть ничтожение, преуменьшение бытия. Страдающий человек способен быть пассивным, воспринимающим реципиентом ничтожащего воздействия. Любое взаимодействие ничтожит одну из сторон и усиливает другую, причем роли пассивного и активного агента постоянно меняются. Любое столкновение с Другим на онтологическом уровне является насилием, поскольку сущие конкурируют за ограниченное место в бытии, «стачивая», «стирая» свою пару. Вопрос заключается в том, может ли умерший человек страдать, то есть быть воспринимающим, пассивным. Человек в новом материализме зачастую понимается как материальное существо, неразделимое на душу и тело. Следовательно, переформулированный вопрос заключается в том, может ли мертвая (то есть умершая) материя (то есть тело) страдать (то есть воспринимать)? С точки зрения нового материализма, даже мертвая материя может быть активно-пассивной воспринимающей насилие субстанцией. Мертвая материя воспринимает ничтожение, поскольку мертвое и живое имманентны друг другу в концепции виталистского материализма Брайдотти: мертвое сожержит в себе живое, то есть мертвое может быть активным, а живое содержит в себе мертвое, то есть живое может быть пассивным. Карен Барад прямо заявляет, что материя может страдать, будучи пронизанной жизненными силами. Джейн Беннет показывает, что тела способны к активному и реактивному действию, то есть могут разрушать или разрушаться, обмениваться действиями и страданиями. Материя, например, может воспринимать «математическое воздействие»: так, изучение математики изменяет мозг, делая его более логичным и последовательным. А мертвая материя тоже может подвергаться воздействию и, следовательно, страдать: так, под воздействием погоды мертвое тело может разлагаться быстрее или медленнее. Следовательно, с

точки зрения нового материализма автоктония как стратегия выхода из ситуации страдания не имеет смысла. Страдание продолжается даже после смерти человека, поскольку его материальное тело даже без души продолжает быть активной субстанцией, способной к восприятию ничтожащего воздействия насилия. Таким образом, практической совет нового материалиста относительно автоктонии заключается в указании на бессмысленность автоктонии, не способной прекратить страдание.

В качестве общего вывода я могу сказать следующее. Автоктония как стратегия выхода из ситуации страдания является целесообразной *в строго определенных онтологиях*. Так, в традиционно-идеалистских онтологиях, где субстанцией, с которой происходит страдание, является душа, и наблюдается плюрализм измерений, степень эффективности автоктонии зависит от конкретной онтологической конфигурации. Так, например, если в религиозной дискурсе есть измерение ада, душа наделена бессмертием, а автоктония понимается как грех, страдание имеет продолжение даже после смерти человека, что делает стратегию нецелесообразной.

Иначе дело обстоит в новом материализме.

В этике нового материализма невозможны релятивистские антиномии – предпочтение одного варианта другому имеет материалистически-фундированные причины. Так дело обстоит и в случае с проблемой автоктонии. В онтологии нового материализма страдающей субстанцией становится материальное тело, к которому зачатую сводится человек. Тело не меняет измерение-обиталище после смерти, в отличие от души, и все атрибуты живого тела, во главе с активностью, сохраняются у мертвого тела. Поэтому после смерти тело, а значит и человек, продолжает страдать, что делает автоктонию бессмысленной. Таков *объективный* ответ нового материализма на вопрос, может ли автоктония стать выходом из ситуации страдания: нет, не может.

Библиография

Беннет Д. Пульсирующая материя. Политическая экология вещей. URL: <https://syg.ma/@hylepress/dzhein-bienniett-pulsiruiushchaia-matieriia-politichieskaia-ekologhiia-vieshchiei> (дата обращения: 31.10.23).

Бихар К. Введение в объектно-ориентированный феминизм. URL: <https://syg.ma/@galina-1/katrin-bikhar-vviedieniie-v-obiektno-orientirovannyi-fieminizm-chast-1> (дата обращения: 31.10.23).

Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021.

Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990.

Платон. Апология Сократа // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.

Платон. Федор // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993.

Ситуативное знание // Логос, 2022, № 1.

«Спаси планету – убей себя»: Церковь Эвтаназии против всех. URL: <https://discours.io/articles/social/church-of-euthanasia> (дата обращения: 10.07.2024).

Харауэй Д. Оставаясь со смутой. Пермь: HylePress, 2020.

Alaimo S. Eluding capture: The Science, Culture, and Pleasure of «Queer» Animals // *Queer ecologies*. Bloomington: Indiana University press. P. 151–173.

Alaimo S. Introduction: emerging models of materiality in feminist theory // *Material feminism*. Bloomington: Indiana University press. P. 1–23

Gamble C. What is new materialism // *Journal of the Theoretical Humanities*, 2019, Vol. 6. PP. 111–134.

Hartmann E. *Philosophy of the unconscious*. London: K. Paul, Trench, Trübner & co., 1893.

Hartsock N. The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism // *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, and Philosophy of Science*. Dordrecht: Reidel, 1983. P. 283–310.

Mather I. A Call to the Tempted: A Sermon on the Horrid Crime of Self-Murder. URL:

<https://ethicsofselfsuicide.lib.utah.edu/category/author/increase-mather/> (дата обращения: 31.10.23)

Salmela A. *Fleshy Stories. New Materialism and Female Suicides in Late Nineteenth-Century Finland*. URL: https://brill.com/view/journals/hcm/6/1/article-p1_3.xml (дата обращения: 31.10.23)

Schopenhauer A. *The Assertion And Denial Of The Will // The World as Will and Idea*. London: Trübner & Co, 1909. PP. 350–527.

The new Oxford annotated Bible. New York: Oxford University Press, 2018.

Tuana N. *Viscous porosity // Material feminism*. Bloomington: Indiana University press. PP. 188–214.

References

Alaimo S. *Eluding capture: The Science, Culture, and Pleasure of «Queer» Animals // Queer ecologies*. Bloomington: Indiana University press. P. 151–173.

Alaimo S. *Introduction: emerging models of materiality in feminist theory // Material feminism*. Bloomington: Indiana University press. P. 1–23.

Behar K. *Vvedenie v obektno-orientirovannyj feminizm [Introduction into Object-Oriented Feminism]*. URL: <https://syg.ma/@galina-1/katrin-bikhar-vviedieniie-v-obiektno-orientirovannyi-fieminizm-chast-1> (accessed: 31.10.23). (In Russian)

Bennett J. *Pul'sirujushhaja materija. Politicheskaja jekologija veshhej [Vibrant Matter: A Political Ecology of Things]*. URL: <https://syg.ma/@hylepress/dzhicin-bienniie-pulsiruiushchaia-materiia-politichieskaia-ekologhiia-vieshechie> (accessed: 31.10.23). (In Russian)

Braidotti R. *Postchelovek [The Posthuman]*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2021. (In Russian)

Camus A. *Buntujushhij chelovek [The Rebel]*. Moscow: Politizdat, 1990. (In Russian)

Gamble C. *What is new materialism // Journal of the Theoretical Humanities*, 2019, Vol. 6. PP. 111–134.

Haraway D. *Ostavajas' so smutoj [Staying with the Trouble]*. Perm': HylePress, 2020. (In Russian)

Hartmann E. *Philosophy of the unconscious*. London: K. Paul, Trench, Trübner & co., 1893.

Hartsock N. *The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism // Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, and Philosophy of*

Science. Dordrecht: Reidel, 1983. P. 283–310.

Mather I. A Call to the Tempted: A Sermon on the Horrid Crime of Self-Murder. URL:

<https://ethicsofsuicide.lib.utah.edu/category/author/increase-mather/> (accessed: 31.10.23)

Plato. Apologija Sokrata [Apology of Socrates] // Collected Works in 4 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1990. (In Russian)

Plato. Fedor [Fedor] // Collected Works in 4 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1993. (In Russian)

Salmela A. Fleshy Stories. New Materialism and Female Suicides in Late Nineteenth-Century Finland. URL: https://brill.com/view/journals/hcm/6/1/article-p1_3.xml (accessed: 31.10.23).

«Spasi planetu – ubej sebja»: Cerkov' Jevtanazii protiv vseh [«Save the Planet – Kill Yourself»: the Church of Euthanasia Against All]. URL: <https://discours.io/articles/social/church-of-euthanasia> (accessed: 10.07.2024). (In Russian)

Schopenhauer A. The Assertion And Denial Of The Will // The World as Will and Idea. London: Trübner & Co, 1909. PP. 350–527.

Situational knowledge [Situativnoe znanie] // Logos, 2022, № 1. (In Russian)

The new Oxford annotated Bible. New York: Oxford University Press, 2018.

Tuana N. Viscous porosity // Material feminism. Bloomington: Indiana University press. PP. 188–214.

Aftoktonía as a Strategy of Deliverance from Suffering: Ontological Dimension

Ksenia Vasilieva – master, Stasis Center for Practical Philosophy, EUSPb; St. Petersburg, Russia; e-mail: kvasiliyeva@eu.spb.ru

Keywords: autoktonia, suffering, subject, new materialism, Plato, Job, Paul the Apostle, Increase Mather, Schopenhauer, Eduard von Hartmann

Can aftoktonia be an exit strategy from a situation of suffering? Autoktonia is understood as a voluntary action of a subject aimed at his or her own nothingness. The article proposes a series of historical and philosophical plots, which are used to demonstrate the possibility or impossibility of realizing autoktonia as a way out of suffering within the framework of a particular ontology. In the case of ontological pluralism, this strategy turns out to be relevant due to the fact that the death of the subject leads the latter to non-existence or to another, good, ontological order in which there is no suffering (Plato, Job, Paul). In opposition to this emerges the Christian concept by Increase Mather, according to which autoktonia can lead to even greater suffering, since it represents a path to the fourth dimension of «hell». Also, autoktonia is not relevant in the philosophy of Eduard von Hartmann, since individual or collective autoktonia is not capable of destroying the substance of the universe, the unconscious. In Schopenhauer, autoktonia realizes deliverance from suffering only under one condition: the ascetic freed from desires dies a starvation death and thus negates the will to live. In the ontologies of the new materialism, the subject's material body becomes the suffering substance. The body does not change dimension-habitat after death – unlike ontologies that include the soul as a special type of being – the attributes of the living body are retained in the dead body, since it continues to be active. Therefore, after death, the subject body is capable of suffering, which makes autarky an irrelevant strategy in the ontologies of new materialism. All this allows us to point out that autoktonia as a strategy of getting rid of suffering is relevant in a narrow spectrum of ontological concepts.